

История религиозной жизни немецкого населения Северо-Казахстанской области в конце 1950-х гг. по докладным запискам в Совет Министров СССР (по материалам Северо-Казахстанского государственного архива)¹

Жанна С. Мажитова*¹, Кульпаш М. Ильясова²,
Гаухар С. Шамшиева³, Айнур Т. Шукеева⁴,
Алтын Т. Еспенбетова⁵, Марат З. Утегенов⁶

¹ НАО «Медицинский университет Астана», Астана, Казахстан

² Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

³ Академия логистики и транспорта, Алматы, Казахстан

⁴, ⁶ Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, Кокшетау, Казахстан

⁵ Кызылординский университет Болашак, Кызылорда, Казахстан

*Автор для корреспонденции: zhanna013013@gmail.com¹

E-mail: kulpash_66@mail.ru², goha_hanum@mail.ru³,

shukeeva_ainur@mail.ru⁴, espenbetova_a@mail.ru⁵, utegenov@inbox.ru⁶

¹ <https://orcid.org/0000-0003-3712-2127>

² <https://orcid.org/0000-0002-6439-5983>

³ <https://orcid.org/0000-0001-8746-4374>

⁴ <https://orcid.org/0000-0002-2057-6416>

⁵ <https://orcid.org/0000-0001-2345-6789>

⁶ <https://orcid.org/0000-0002-7748-0925>

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-145-4-92-109>

Аннотация. В статье объектом изучения стала повседневная религиозная жизнь немецкого населения в конце 1950-х годов. Казахстан в эти годы становится местом освоения целинных и залежных земель, происходит ужесточение антирелигиозной политики после XX съезда КПСС и активизация антирелигиозной борьбы. Жесткий курс советского государства в отношении религии не помешал немцам придерживаться своих религиозных принципов и национальных культурных ценностей. С момента появления на территории Казахстана немецкому населению удалось создать крепкие хозяйственные общины со своей культурой, этнической идентичностью и религиозными традициями. Религиозная повседневность немецкого населения авторами статьи анализировалась на основе секретных докладных записок уполномоченного Совета по делам религиозных культов Северо-Казахстанской области В.П. Ляпунова, которые позволили рассмотреть вариативность повседневной религиозной жизни немецкого населения, продемонстрировали живучесть религиозных традиций и обрядов. Авторы акцентируют внимание на религиозных практиках немецких общин, прилагавших в условиях антирелигиозной борьбы усилия для сохранения своей культуры и идентичности. Делается вывод о том, что, несмотря на противодействие государственных и партийных органов, доля верующих и сочувствующих религии в этот период в северном Казахстане была весьма значительной.

Ключевые слова: история Казахстана; религиозная повседневность; немецкое население; целина; религиозная политика.

¹ Статья ранее была опубликована на английском языке. Выходные данные: Zhanna Sabitbekovna Mazhitova, Kulpash Myrzamuratovna Pyassova, Gaukhar Sagyndykovna Shamshiyeva, Ainur Talasbekovna Shukeyeva, Altyn Tumenbaevna Yespenbetova and Marat Zennatovich Utegenov. Everyday Religious Life of German Population in North Kazakhstan Region in the late 1950s // European Journal of Science and Theology. October 2022. Vol. 18. No. 5. P. 105-122.

Received 29.06.2023. Revised 03.07.2023. Accepted 15.10. 2023. Available online 30.12.2023.

For citation:

Mazhitova Zh., Ilyassova K., Shamshiyeva G., Shukeyeva A., Yespenbetova A., Utegenov M. Everyday Religious Life of German Population in North Kazakhstan Region in the late 1950s // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2023. – Vol. 145. – No. 4. – P. 92-109. DOI: 10.32523.2616-7255-2023-145-4-92-109

Для цитирования:

Мажитова Ж., Ильясова К., Шамшиева Г., Шукеева А., Еспенбетова А., Утегенов М. История религиозной жизни немецкого населения Северо-Казахстанской области в конце 1950-х гг. по докладным запискам в Совет Министров СССР (по материалам Северо-Казахстанского государственного архива) // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 145. – No.4. – С. 92-109. DOI: 10.32523.2616-7255-2023-145-4-92-109

Введение

Немцы Казахстана – одна из некогда многочисленных этнических групп, появившаяся в конце XVIII в. в ходе российской колонизации юго-восточных окраин империи. Со временем немецкому населению удалось создать в Казахстане крепкие хозяйственные общины со своей традиционной культурой и стойкой этнической идентичностью. Но не только этими институтами отличалось переселившееся немецкое население. Следует согласиться с мнением одного из ведущих исследователей истории немцев в досоветском Казахстане и в СССР В. Кригером, отмечавшим, что, прибывая в край, немцы, благодаря своим обширным знаниям и умением организовать совместное культурно-экономическое пространство пришлого и местного населения, со временем становились авторитетными администраторами края (к примеру, «завоеватель» и первый генерал-губернатор Туркестана генерал Константин фон Кауфман, генерал-губернатор Западной Сибири Густав Кристиан Гасфорт и др.). Помимо этого, незаменима роль немецких ученых, исследователей и путешественников в изучении культуры и истории казахов и других народов Центральной Азии. Труды Питера Симона Палласа, Иоганна Готлиба Георги, Самуила Готлиба Гмелина, Герхарда Фридриха Мюллера и многих других и сегодня являются настольными книгами для тех, кто занимается исследованием традиционного казахского общества (Кригер, 1993: 4-5). Также немецкое население внесло большой вклад в генезис и развитие капиталистических отношений в Казахстане путем вложения средств в создание прибыльных компаний в промышленности и в сельском хозяйстве.

В дореволюционном казахском обществе переселившиеся немцы определяли свои господствующие представления о нормах/отклонениях и стилистике бытового поведения согласно традиционным культурным ценностям, в том числе, постулатам различных религиозных течений. По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. только на территории Акмолинской области (территория северного Казахстана, куда входил Петропавловский уезд. – авторы) проживало 3752 немца, которые придерживались в основном следующих религиозных убеждений: лютеране – 0,76%, католики – 0,29% к общему населению. Меннонитов было всего 200 человек обоого пола (Первая перепись, 1904: V). Основную массу населения составляли казахи и переселившиеся на казахские земли в XVIII–XIX вв. российские крестьяне, поэтому такой на первый взгляд низкий процент религиозности немцев не должен вводить в заблуждение. Уровень религиозности немецкого населения был достаточно высокий и устойчивый, поскольку исполнение религиозных практик в рамках общины в конце XIX – начале XX вв. являлось для них нормой повседневной жизни.

Советская власть с первых моментов своего существования продемонстрировала свою атеистическую направленность, что повлекло за собой резкое сокращение области влияния религиозных институтов на мировоззренческие взгляды и социокультурное пространство населения. Хоть религия и объявлялась личным делом каждого советского человека, нормативные документы Советов, вызвавшие секуляризацию актов рождения и смерти, бракосочетания и развода, открыто вторгались в приватную жизнь, превращая в патологию традиционные формы повседневной жизни, связанные с религией. И если раньше для большинства немецкого населения религиозные практики были нормой повседневности, они контролировали практически все сферы человеческой деятельности, то по мере укрепления новой власти в лице большевиков круг влияния церкви (молитвенных домов) значительно сузился.

Количественные статистические данные, приводимые в официальных отчетах, не отражали объективную картину состояния религиозности немцев. Отчетные материалы уполномоченных Совета по делам религий и других надзорных органов хранятся в архивных фондах, но они до сих пор засекречены. Однако по материалам казахстанских исследователей можно прийти к выводу, что в первые десятилетия советской власти посещение верующими католических церквей и молитвенных домов, совершение религиозных обрядов проводилось достаточно многолюдно и имело тенденцию к увеличению (Ауанасова, 2007; Балтабаева, 2008; Казиев, 2015; Султангалиева, 1998; Религиозные организации, 2015; Мухтарова, 2007; Saktaganova, 2018).

Огромный интерес ученых вызывает история депортации народов на территорию Казахстана. В 1930-е – 1950-е гг. казахстанская земля стала местом ссылок и депортаций многих «наказанных» народов. Изгнание и физическое уничтожение во время «этнических чисток» коснулись и немецкого народа. За последние годы опубликовано множество интересных документальных архивных материалов, позволяющих «погрузиться» в эту тему и вскрыть сюжеты, ранее закрытые для научной общественности. Но процесс рентгеновского высвечивания проблемы долгий и кропотливый, требующий внимательного, без какого-либо пристрастия, изучения этого вопроса.

В Советском Союзе германофобия привела к появлению в обществе стойкого негативного образа немцев, более того, «понятие «немецкое» практически уравнивалось с «фашистским» (Кригер, 2018). Не случайно судьба немцев оказалась наиболее драматичной. Немецкое население подверглось насильственной высылке как до войны (1936 г.), так и в первые годы войны (1941–1942 гг.). Продвижение фронта на восток привело к ликвидации, согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., автономной республики поволжских немцев и насильственной высылке последних в Казахскую республику, Алтай и Сибирь. Депортация проходила в чрезвычайных условиях и сроках. Так, уже через пару дней после начала высылки в Постановлении Акмолинского облисполкома и обкома КП (б) Казахстана от 30 августа 1941 г. отмечается прибытие 25000 немцев из автономной республики, которых следовало разместить как «путем вселения целых колхозов в существующие колхозы, <...>, так и путем расселения в нескольких колхозах» (Архив Президента Республики Казахстан (далее. – АП РК). Ф. 708. Оп. 5/2. Д. 68. Л. 28). Поток прибывающих немцев в первые месяцы войны носил перманентный характер. В сводке заместителя начальника эвакуационного отдела при СНК КазССР М. Яковлева подчеркивалось, что к январю 1942 г. на территорию Северо-Казахстанской области (далее – СКО) прибыло 50687 немцев, среди них: 10878 мужчин, 16799 женщин и 23010 детей. В справке начальника отдела НКВД КазССР Н.П. Новик в ЦК КП(б) Казахстана было отмечено проживание на территории СКО до депортации 17950 немцев. Позднее, в ходе насильственного переселения, на территории СКО, по данным НКВД, в декабре 1942 г. будет зарегистрировано 62473 немца. Таких волн насильственных депортаций в область будет несколько. В конце 1942 г. в СКО прибывает еще несколько эшелонов людей, которые были мобилизованы в трудовые армии в разных отраслях промышленности Казахстана. См. таблицу 1.

Таблица 1 – Справка по переселению и мобилизации немцев
(Из истории депортаций. Казахстан, 2019: 257–258)

№ пп	наименование областей	было немцев до переселения	Расселено	всего немцев прож. в Казахстане	мобилизовано и отправлено
1	Алма-Атинская	3 000	8840	11840	1339
2	Акмолинская	10 130	75 418	85 548	11 408
3	Актюбинская	401	11 632	12 033	–
4	Вост.-Казахстанская	856	28 499	29 335	4163
5	Джамбулская	1150	10 480	11 630	1500
6	Карагандинская	10 000	20 639	30 639	3739
7	Кызыл-Ординская	215	4807	5022	527
8	Кустанайская	8 000	53 317	61 317	8149
9	Павлодарская	4900	51 317	56 217	6940
10	Северо-Казахстанская	17 950	62 473	80 423	11 860
11	Семипалатинская	2500	41 913	44 413	4597
12	Южно-Казахстанская	1715	24798	26 513	3473
13	Западно-Казахстанская	500	–	500	–
14	Гурьевская	21	–	21	–
	Всего	61 338	394 133	455 531	57 695

Как видно из таблицы, особенно компактно расселение немцев наблюдалось на территории СКО. Сталинская репрессивная машина в годы Второй мировой войны задействовала депортированных немцев во всех отраслях тяжелой промышленности и в сельском хозяйстве Казахстана. Кроме этого, ужесточение надзора приводило к развертыванию политических кампаний по поиску «врагов народа», власть организовала широкое наступление на любое инакомыслие и навешивание ярлыков на целые народы. Тоталитарный режим по-прежнему не доверял своему народу. Так, приведем небольшой отрывок из многочисленных «записок» того времени о «контрреволюционной» деятельности немцев-переселенцев: «Следствием установлено, что Вундер Яков Гейнрихович, находясь в близких взаимоотношениях с антисоветски настроенными людьми – немцами, такими, как Шерф и Диль, которые систематически вели антисоветскую работу среди населения. Вундер как член партии, зная о провокационных действиях Шерф и Диль, вместо своевременной сигнализации, по существу скрывал антисоветские действия указанных выше лиц» (Из истории депортаций. Казахстан, 2019: 211). Отчасти такие «письма», «справки» и «докладные записки» государственных органов «одергивали» нерусские народы, формировали в общественном сознании искусственный образ «врага» и объясняли неусыпный контроль специальных силовых структур «наказанных» народов.

Руководствуясь принципом «Коммунистическая идея и религия несовместимы», идеологическая машина советской власти широко и директивно пропагандировала среди масс «синдром жертвенности». Однако широкие массы, жертвуя во имя «светлого будущего» своей жизнью, сумели сохранить свою духовность, в том числе и религиозную (Сактаганова, 2012: 363). Таким образом, хоть государство и оказывало на общество силовое и идеологическое давление по вытеснению сферы религиозного влияния, религиозные институты продолжали действовать среди немецкого населения, особенно в сельской местности.

Антирелигиозный курс государства в хрущевское десятилетие ознаменовал фронтальное наступление на религиозные институты. Несмотря на это, религиозные ценности в сфере семейных отношений немцев, в силу их инстинкта выживания и локальности проживания народа на казахстанской земле, продолжали быть значительной

частью повседневной жизни. Практически во всех семьях были распространены погребально-поминальные и свадебные обряды, обряд крещения и «праздник жатвы», массово отмечались общехристианские праздники – Рождество, Пасха и другие важные даты.

Методы и материалы

В научном религиоведении широко применяется комплекс методов, которые позволяют изучить религиозные системы в процессе их генезиса и развития, при этом учитывая как общие, так и частные закономерности вовлеченных в этот процесс религиозных институтов.

В статье привлечены материалы из фондов Государственного архива Акмолинской области (ГААО): фонд 1 – «Целиноградский областной комитет Коммунистической партии Казахстана» и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ): фонд 3 – «Центральный Комитет КПСС. Политбюро».

Основным источником для написания статьи послужили архивные материалы из 22 партийного фонда Северо-Казахстанского Государственного архива (СКГА) – «Докладные записки, справки и переписка по вопросам работы советских органов и коммунального хозяйства, строительства жилья, развитию садоводства, о действии религиозных групп и сект». В этом фонде сохранены секретные докладные записки уполномоченного Совета по делам религиозных культов В.П. Ляпунова о религиозной ситуации в Северо-Казахстанской области в 1950-е годы.

Обсуждение и результаты

Сюжеты из религиозной жизни немецкого населения в конце 1950-х гг., или докладные записки уполномоченного Совета по делам религиозных культов

Следует подчеркнуть, что историография истории религиозной жизни немецкого населения насчитывает большое количество фундаментальных работ как отечественных, так и зарубежных исследователей и ученых. В этих трудах поднимается широкий круг вопросов: от истории появления, повседневной жизни религиозных немецких общин на территории Казахстана до вопросов сохранения религиозной, этнической идентичности в годы тоталитарного режима и борьбы за немецкую автономию (Бургарт, 1997: 376; Бургарт, 1999: 112–122; Бургарт, 2001: 443; Вибе, 1998: 19–30; Герман, 2007: 574; Немцы Казахстана и Сибири, 2011: 248; Eisfeld, 1996: 555; Elwert, 2015: 320; Krieger, 2018: 114; Sanders, 2016: 256 и др.).

Религиоведы отмечают, что в 1950-е – 1960-е гг. в Казахстане сложились две группы верующих немцев (Saktaganova, 2018: 104). Первая включала людей старшего поколения, глубоко верующих, они были знатоками основы вероучения, к которому принадлежали члены религиозной группы. Вторая – объединяла людей среднего возраста, хотя нередко встречалась и молодежь. Эта группа не отличалась строгим выполнением религиозных канонов и зачастую религиозные взгляды сочетались с естественно-научными знаниями. Активность в этой группе проявлялась во время значимых религиозных праздников. И если праздники выпадали на выходные дни, то наблюдались массовые невыходы на работу, что вызывало конфликты с государственными и партийными органами. Таким образом, религия постепенно вытеснялась в сферу влияния небольшой общинной группы, но продолжала бытовать в жизни некоторой части немецкого общества.

Работая в Северо-Казахстанском государственном архиве с секретными делами из 22 партийного фонда, авторы изучили дело № 906, начатое 8 января 1957 г. Документы этой папки, точнее 17 докладных записок на 155 страницах, были подготовлены уполномоченным Советом по делам религиозных культов (далее – уполномоченного) СКО при Совете Министров КазССР В.П. Ляпуновым и носили секретный характер, поэтому лишь в настоящий момент к нему был разрешен доступ исследователей. Анализ

информации, отраженной в этих записках, вызывает ряд вопросов, на которые пока нет исчерпывающих ответов. К примеру, что вызывало тотальную проверку деятельности религиозных объединений (авраамических, культов, «сект») немцев в 1950-е гг.? Ведь в тот момент, как отмечалось выше, религия отошла на бытовой уровень и не представляла угрозу для советского государства. Кто инициировал частые поездки уполномоченного Совета по делам религий именно по местам расселения немецкого населения, поскольку в этой папке нет ни одной информации о религиозных культах, к примеру, русского, украинского и других народов? Имеются несколько докладных записок, касающиеся деятельности мусульманских общин казахов и чечено-ингушей. Но их всего несколько. Хрестоматийный ответ на эти и другие вопросы содержится во многих работах по истории немецкого народа, депортированного на восток страны Советов. Полагаем, что изучение материалов этой папки позволит внести свой вклад в дальнейшее раскрытие этой проблемы.

Прежде чем приступить к анализу представленного в папке материала, хотелось бы обратить внимание на секретную записку-инструкцию заместителя начальника Управления Комитета государственной безопасности при Совете Министров КазССР по Акмолинской области Т.Ж. Жалмагамбетова за 1957 г. № 5535 на имя секретаря Акмолинского областного комитета Коммунистической партии Казахстана Г.А. Мельник. Полагаем, что инструкции такого содержания направлялись и в другие областные центры республики. В ней отмечалось, что «за последнее время западногерманскими властями и различными реакционными организациями проводится кампания по склонению немцев, проживающих в нашей стране, к массовому выезду из Советского Союза в ФРГ» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2542. Л. 110). По мнению автора записки, Федеральной разведывательной службой Германии преследовалась цель получить в лице этих немцев источники ценной информации и надежные кадры для подрывной работы против СССР. Для этого некоторые лица, как отмечалось в инструкции, занимались сбором адресов немцев, желающих выехать в Западную Европу, составляли списки этих лиц, оформляли соответствующие документы, а затем переправляли эти документы в посольство через специально подобранных курьеров. При этом отмечалось ежегодно увеличивающееся число немцев, желающих выехать в ФРГ (так, к началу 1957 г. количество немцев, посетивших Посольство ФРГ, только по Акмолинской области дошло до 105 человек). Учитывая, что «эмигрантские настроения немцев наносят определенный ущерб интересам нашего государства, мы (КГБ – авторы) со своей стороны проводим работу по разложению их эмигрантских настроений и предотвращению выезда в Посольство ФРГ, используя в этих целях имеющуюся агентуру и другие возможности» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2542. Л. 112). Очень важный момент этого документа заключается в том, что в нем давалось предписание местным государственным и партийным органам «усилить политико-массовую работу в местах концентрации немцев» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2542. Л. 112) и незамедлительно докладывать обо всех изменениях в настроениях и жизни немецкого населения. На наш взгляд, эта и другие инструкции дали «старт широкомасштабной кампании» по сбору разносторонней информации о немецком населении.

Депортация немцев привела к появлению в конце 1950-х гг. немногочисленных католических общин, которые безуспешно пытались легализовать свою религиозную деятельность. После провозглашения в 1956 г. курса на «оттепель» в отношении неугодных народов, в СКО стали образовываться немногочисленные общины лютеран, адвентистов, меннонитов, зачастую действовавших нелегально. Поэтому не случайно в задачи уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров КазССР входила работа по выявлению верующих среди немецкой национальности и ознакомлению с религиозной деятельностью меннонитских групп, пятидесятников, субботников и адвентистов седьмого дня (далее – асд) (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 78).

Решение поставленных перед уполномоченным задач предполагало как словесные доклады секретарю обкома по агитации и пропаганде «товарищу» И.О. Омарову, так и

письменные доклады в руководящие инстанции области. Лейтмотивом всех докладных записок уполномоченного стала констатация прогрессирующего роста религиозности среди верующей части населения области, а также особом развитии религиозности среди немецкого населения и увеличивающемся охвате этого населения «сектантским» движением. Отдельный доклад был посвящен значительному развитию лютеранства и католичества среди немецкого населения, росту движения евангелистских христиан-баптистов (далее – ехб), пятидесятников и асд среди этого населения в Конюховском, Полудинском и особенно в Петропавловском районах СКО. Особое внимание было уделено влиянию религии на молодежь области.

По сведениям В.П. Ляпунова, немецкое население области составляло примерно 7 тысяч человек. Немцы были расселены во всех 11 районах области. Но основная их масса проживала в Петропавловском, Полудинском, Конюховском, Булаевском, Приишимском и Ленинском районах. Процент верующих среди них был значителен и составлял не меньше 60–65% от всего количества взрослого немецкого населения. В этот процент включались как та относительно небольшая часть верующих, которая не скрывала своих религиозных убеждений и не избегала участия в открытых проявлениях, так и та значительно большая часть, которая не подчеркивала своих религиозных принципов и осуществляла их спорадически или вообще по тем или иным причинам скрывала свои религиозные взгляды. При этом не прерывала, однако, свою связь с религией и прибегала к ее помощи только в особых или исключительных случаях своей жизни.

«Латентный» характер религиозности немцев связан, по нашему мнению, с имевшими место серьезными нарушениями законодательства о культах, которые выражались в незаконном закрытии церквей и молитвенных домов, разгоне молитвенных собраний, изъятии у верующих литературы религиозного содержания, грубом вмешательстве государства во внутрицерковную жизнь и многочисленных фактах ущемления законных прав и интересов верующих граждан. В ряде случаев верующие привлекались к суду и подвергались лишению свободы, по существу, только лишь за веру в Бога (РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 3. Л. 213).

Остановимся на основных религиозных конфессиях, деятельность которых получила освещение в записках уполномоченного Совета по делам религиозных культов В.П. Ляпунова.

Лютеране и католики

Судя по представленным данным, в области в 1950-е гг. наблюдался рост религиозности верующих почти всех религиозных течений. Этот рост отмечен в той или иной степени у верующих всех национальностей, но был интенсивен и особенно проявлялся среди немецкого населения области. Господствующим течением среди верующей части немецкого населения области было лютеранство, которым охватывалось до 65–70% верующих немцев. Остальные 30–35% почти полностью составляли верующие, исповедующие католичество. В эту основную массу верующих – последователей двух основных издавна исповедуемых религий, вкрапливались в единичных случаях, в отдельных поселках, семьи преимущественно баптистские, отчасти менонитские и адвентистские, не имевшие в прошлом ни религиозного влияния в области, ни перспектив к дальнейшему развитию (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 34).

Наиболее крепкая и авторитетная группа, к голосу которой прислушивались многие лютеране области, действовала в селе Петерфельде. Ее руководители за последние годы не повторяли попыток к открытию в Петерфельде молитвенного дома (первое и вместе с тем последнее отклоненное ходатайство об этом было подано в 1946 г.). Не обращались с подобными просьбами и другие незарегистрированные лютеранские группы. Объясняется это, очевидно, тем, что в дореволюционный и раннесоветский периоды немцы-лютеране, проживавшие в СКО, никогда не имели ни постоянно действующих кирх, ни молитвенных домов. Удовлетворяли свои религиозные нужды во время периодических приездов к ним

пасторов из Омска или Акмолинска. Поэтому основным стремлением лютеран являлось не открытие у них в населенном пункте молитвенного дома, а получение разрешения на проезд к ним раза-два в год зарегистрированного пастора для совершения полной литургии и ряда полнейших обрядов (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 93).

Здесь стоит отметить, что в Петерфельдской группе еженедельные молитвенные собрания систематически посещали только 28 лютеран. В списках же этой группы фигурировало 90 конфирмованных лютеран, просивших разрешения у В.П. Ляпунова на приглашение к ним на несколько дней для совершения обрядов пастора Е. Бахмана. По мнению В.П. Ляпунова, столько же неконфирмованных лютеран могут присоединиться к этому заявлению, если это было бы нужным. Таким образом, религиозная группа в Петерфельде насчитывала не 28, а около 200 верующих, но эти верующие признавали свою связь с религией только в особых случаях. В других районах области имелись малочисленные группы лютеран, в количестве от 2-х до 3-х-4-х на каждый район, но, судя по примеру Петерфельдской группы, малочисленность их была только кажущаяся. Данный факт побудил автора записок к выводу о том, что в случае необходимости возможно возникновение у лютеран «внезапной» религиозной активности.

Несомненно, можно констатировать некоторый рост религиозности среди лютеран, но, судя по представленным в записках статистическим данным, он был несколько преувеличен. Попытаемся разобраться в причинах этого предположения.

Работая с вышеупомянутым делом из СКГА, авторы статьи обратили внимание на то, что приведенное соотношение численности последователей разных конфессий у верующих немцев неминуемо при общем росте религиозности должно было привести к *особой* активизации обоих исповедуемых ими основных религий и в первую очередь к усилению активизации культа лютеранской церкви (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 92). На самом деле этого не произошло.

И тому было несколько причин. Во-первых, «рост» религиозности среди верующих лютеранской церкви не заставил их нарушать догматические положения, по которому все «таинства» у них мог совершать только служитель церкви, а отнюдь не мирянин. Так как в СКО на тот момент не было ни одного пастора, даже в наиболее крупной незарегистрированной общине в селе Петерфельд, то немцы-лютеране были лишены возможности совершать свои важнейшие религиозные обряды, что отнюдь не оптимистично сказывалось на общем религиозном состоянии духа верующих. В.П. Ляпунов приводит единственный случай, когда мирянин, руководитель небольшой группы лютеран в количестве до 30 человек в поселке Шиферском Петропавловского района Д. Кунцман, уступая просьбам верующих, стал с начала 1957 г. совершать обряды бракосочетания, крещения детей и не крестившихся взрослых, тем самым «совершив кощунственное деяние». Подчеркнем, данный поступок был исключением из общего правила. Интересно то, что инициатива этой группы не получила одобрения со стороны других лютеран. Поэтому все усилия лютеран были направлены на получения разрешения для совершения необходимых обрядов пастором Е. Бахманом из Акмолинска. К сожалению для верующих, он оказался незарегистрированным служителем церкви и вопрос о его приглашении сам по себе отпал, что повлияло в свою очередь на настроение верующих лютеран.

Во-вторых, численность и активность религиозной группы зависела от ее регистрации в уполномоченном органе, где эта процедура длилась 2–3 года с момента подачи заявления. И в этом вопросе, по мнению В.П. Ляпунова, не стоило торопиться, более того, «в настоящее время мне (В.П. Ляпунову – авторы) стало известно, что в Казахстане имеются такие области, как, например, Карагандинская, в которой численность немецкого населения в десять раз превосходит численность такого же населения в нашей области. Поэтому, по моему мнению, более уместным была бы регистрация лютеранской общины не в нашей, а в Карагандинской области с тем, чтобы зарегистрированному при ней пастору предоставлялось право раз или два раза в году обслуживать верующую часть немецкого населения в других областях» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 93). Таким

образом, В.П. Ляпунов предлагал сместить центр лютеранской церкви из области в другие районы республики, что лишало возможности местных лютеран активизировать и пропагандировать деятельность своей религиозной общины.

Третья, немаловажная причина заключалась в том, что количество последователей этой церкви в лице молодых людей неумолимо сокращалось. Отсутствие на молитвенных собраниях значительной части членов группы происходило за счет непосещения или не систематического посещения молодежи. В уста лидера церкви, находящейся в поселке Кара-Гуга, Янке Эвалада уполномоченный В.П. Ляпунов вкладывал следующее объяснение этой тенденции: «Уже много молодых людей замечено в том, что они пьют, курят, ухаживают за девушками, а те принимают их ухаживания и все они больше стремятся к развлечениям и удовольствиям, чем к молитвам на молитвенных собраниях. Связь церкви с молодежью осталась чисто формальная, фактически же, в душе, большинство из молодежи уже отошло от учения. Непостоянство молодежи, свойственное ее возрасту, только компрометирует группу» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 152). В доказательство своей озабоченности сложившейся ситуации второй руководитель группы Цилке привел следующий случай: «Во время водного крещения, в июне 1957 г., крестилось 3-е юношей. Все они перед крещением, казалось бы, вполне искренне и с большим чувством говорили о своем стремлении служить господу и следовать заветам церкви. Между тем один из них напился в первый же вечер после крещения, второй был замечен в пьянстве и разгульной жизни через несколько недель, третий стоит на грани этой разгульной жизни» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 152).

Интерес вызывают недостаточно аргументированные и явно декларативные рассуждения руководителя религиозной общины Цилке со ссылкой на сложившуюся ситуацию, доказывающие его зависимость от проверяющего чиновника и утвердившихся в обществе шаблонов, не отражающих его истинной позиции. Так, отход молодежи от церкви он объяснял тем, что «особо стойких религиозных убеждений у нее не было и не могло быть (? – авторы), и потому большинство молодежи шло в церковь из любопытства, следуя примеру своих сверстников и опасаясь отстать от них. С течением времени, когда молодые люди привыкли к однообразной религиозной жизни, не дающей им ничего нового и запрещающей порывы, свойственные молодежи, они стали тяготиться своим пребыванием и сейчас их связи с церковью ослабли» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 152).

Докладные записки, в которых подробно освещалось празднование верующими тех или иных праздников, особенно интересны, поскольку автор обстоятельно останавливается на количественном, половозрастном составе верующих, изменениях в обрядовых практиках, если таковые имелись. Объем работы и формат умозаключений уполномоченного по делам религий особенно увеличивался в дни проведения больших религиозных праздников. В докладной записке от 24 мая 1957 года № 0-23/с В.П. Ляпунов отмечал, что новым в его практике в связи с празднованием «Пасхи» было предварительное обращение к нему представителей незарегистрированных групп лютеран и католиков, немцев по национальности, с просьбой выдать им разрешение на приглашение для проведения молитвенных собраний на «Пасхе» служителей культа из других областей Казахстана.

Так, представители лютеран Г.Х. Шварц и Г.Х. Шик обратились к В.П. Ляпунову с этой просьбой от имени Петерфельдской группы Петропавловского района – наиболее крупной лютеранской незарегистрированной группы в области. Они предъявили ему именной список, подписанный 90 лютеранами (22 мужчин и 68 женщин), которые просили пригласить в Петерфельд на пасху пастора Е. Бахмана из Акмолинска. В список были включены люди не моложе 35 лет, то есть те верующие, которые когда-то проходили «конфирмацию». Число верующих лютеран более молодого возраста, не проходивших «конфирмацию» и присоединяющихся к этой просьбе, составляло, как заявляли Шварц и Шик, примерно, 75–100 человек (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 48).

Сомневаясь в лояльности лютеран к советской власти, в то же время В.П. Ляпунов полагал, что деятельность лютеранских групп являлась серьезным препятствием на пути

развития сектантского движения среди немецкого населения области. Поэтому он полагал, что «регистрация Петерфельдской группы, в случае возникновения такой необходимости, была бы весьма целесообразна как мера противодействия распространению сектантства. Исходил я при этом из значительности немецкого населения в СКО» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 94).

Иная ситуация складывалась с приверженцами католической веры. Если деятельность/пассивность лютеран не вызывала тревоги у государственных органов, то активность немцев-католиков, которых в области было в два раза меньше, чем лютеран, являлась предметом многочисленных проверок и записок уполномоченных органов. В отличие от лютеран, католики неоднократно предпринимали попытки зарегистрировать свою общину. С этой целью группа из с. Асанова Петропавловского района трижды направляла в Совет по религиозным культам рядовых членов с просьбой разрешить зарегистрировать общину и пригласить к ним на короткое время патера (ксендза) из Караганды или Сухотина. Попытки оказались безрезультатными, но, как писал автор записок: «В этом деле важно не только выявленное стремление католической группы в Асаново и ее регистрация к открытию молитвенного дома, но и то, что численность этой группы, определяемой по посещению молитвенных собраний максимально в 35–40 человек, оказалось, когда дело коснулось одного из наиболее существенных событий в жизни группы, в 6–7 раз больше предполагаемой» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 95).

Но даже не это обстоятельство взволновало В.П. Ляпунова, а то, что вскоре после обращения Асановских католиков к нему поступило письменное заявление немцев-католиков из Возвышенского совхоза Булаевского района в количестве 100 католических семей с просьбой разрешить им построить в совхозе молитвенный дом для удовлетворения религиозных нужд. «Заявление, подписанное только 10 верующими, оставлено без последствий, но нет сомнений, что в случае необходимости под этим заявлением могло бы стоять не 10, а не меньше 200 подписей» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 95).

Противоречия между официальной риторикой и дискриминационной практикой, а также опасения по поводу возможной религиозной ассимиляции послужили толчком к оживлению деятельности даже тех групп, в которых не было верующих мужчин. Информация, изложенная в секретных записках, показывает возросшую активность женщин среди верующих. Женщины взяли на себя роль лидера общины и своими проповедями пробуждали большую религиозную активность в среде мало верующих и верующих прихожан. Здесь мы имеем дело с религиозным прецедентом, когда на женщину община возложила обязанности «учить, освящать и управлять верными», заниматься проповедованием канонов религии. По мнению В.П. Ляпунова, стремление привлечь женщин к этой активной религиозной жизни возникло в «результате продуманного решения духовного центра, в целях пополнения рядов верующих, и нужно признать, что решение это уже дало свои плоды» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 10).

Так, в поселке Скворцовка действовала католическая группа верующих – наиболее крупная католическая группа в Полудинском районе СКО, в которой основной актив включал 15 человек: 14 женщин и 1 мужчину. Все это были люди пожилого и преклонного возрастов. Роль руководителя играла М. Лукановская, 52 лет. Молитвенные собрания проводила от случая к случаю, не больше одного раза в неделю – по воскресеньям на дому (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 142).

Аналогичная ситуация сложилась и в селе Фурмановка, в котором лютеранская группа состояла из 6 человек. Все женщины. За исключением Майды Соммер, 1921 года рождения, все остальные женщины были пожилого и преклонного возрастов. Молитвенные собрания проводились один раз в неделю, по воскресеньям, но не регулярно. Зимой молитвенные собрания проводились в доме матери Соммер – Ланг Паулины, 70 лет. В дни больших праздников на этих собраниях присутствовали все 6 членов актива и 3–4 женщины, которые на обычные воскресные собрания не ходили. Группы под руководством своих женщин-руководителей проводили крещение и отпевание покойников, а также другие

обряды (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 144). Таких примеров в записке В.П. Ляпунова было несколько.

Отдельную часть своих наблюдений В.П. Ляпунов посвятил М.Я. Келлерту – шестидесятилетнему старику, бывшему немецкому священнику, изъявившему желание на склоне своих лет вернуться к священнической деятельности. В беседе с В.П. Ляпуновым, М. Келлерт отмечал, что государственные органы недостаточно хорошо знакомы с развитием религиозного движения среди немецкого населения на востоке страны и потому недооценивают его. Более того, государство не видело действительную картину повседневной жизни немцев, откуда возникала неравноправность верующих немецкой национальности. Пожалуй, стоит согласиться с мнением М.Я. Келлерта в том, что паритетные отношения между казахами и русскими не распространялись на этнические меньшинства, проживавшие в республике. Немцам предоставлялась лишь возможность ассимиляции или самоизоляции в замкнутых общинах. Поэтому немцы болезненно переносили свое неравноправие с другими национальными меньшинствами и порой в открытой форме выражали недовольство. Оно выражалось, в частности, и в том, что значительная часть немцев, проживавших в Казахстане и Сибири, пыталась вернуться на свою историческую Родину. Скорее всего, зная записку-инструкцию замначальника Управления КГБ Т.Ж. Жалмагамбетова, В.П. Ляпунов докладывал: «Вот почему многие из них обращаются к представителю посольства ФРГ в Москве с просьбой содействовать их возвращению в Западную Германию» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 95). И, вероятно, Келлерт не был исключением, поскольку намеревался в ближайшее время поехать в Москву для выяснения в Совете всех важных для него религиозных вопросов. В результате беседы с Келлертом В.П. Ляпунов пришел к убеждению, которое в определенной степени отрицательно повлияло на дальнейшую работу католиков в области по регистрации своих общин и привело к усилению негласного надзора за деятельностью общин. Приведем некоторые фрагменты доводов В.П. Ляпунова: «Разительная перемена во взглядах Келлерта, променявшего положение хорошо зарекомендовавшего себя советского работника на сутану ксендза и, главное, возникновение значительных, в условиях нашей области, незарегистрированных католических групп, конечно, не случайное явление. Они являются результатом растущего влияния культа католической церкви на начальные до последнего времени группы немцев католиков и охвата этим влиянием многочисленных родовых членов этих групп, до этого почти ни в чем не проявлявших свою религиозность. Почти одновременное возникновение всех указанных выше событий наводит на мысль, что возникли они *в результате какого-то постороннего воздействия* (курсив наш – авторы), но достаточных оснований для того, чтобы утверждать это, у меня нет» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 95).

Содержание записок В.П. Ляпунова вызывают однозначную реакцию, но суть не только в эмоциональной оценке данных документов. Они сыграли неприглядную роль в истории религиозной жизни немецкого населения в эти годы. В результате них в 1957 г. ни одна поданная заявка католиков на регистрацию религиозных общин и на открытие в местах пребывания этих групп молитвенных домов не была удовлетворена (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 96).

Немцы-меннониты

В записках В.П. Ляпунова было уделено большое внимание действовавшим в области конфессиям (адвентисты, евангельские христиане-баптисты и пятидесятники), имевшим контакты с внешним миром и потому, по мнению В.П. Ляпунова, представлявшим «угрозу» для советского общества. В этом разделе рассмотрим деятельность и особенности вероучения приверженцев малочисленного, но при этом влиятельного направления – меннонитов.

В соотношении двух религиозных доминирующих сил – лютеранства и католичества, охвативших почти целиком все верующее немецкое население в области, судя по

докладам В.П. Ляпунова, было внесено существенное изменение – значительное, в масштабах области, развитие среди верующих немцев вероучения меннонитов, баптистов, адвентистов и пятидесятников. Не случайно, по определению В.П. Ляпунова изучение жизни немецкого населения области «по-прежнему являлось одной из первоочередных задач государственных органов» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 35).

На территории СКО в пределах существовавших в то время ее границ ни в дореволюционное время, ни в первые годы после революции, никогда не зарождалось какое-либо меннонитское религиозное движение, которое приводило бы к созданию организованных религиозных меннонитских групп (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 36). Сказанное, однако, не обозначает, что среди немецкого населения области не было меннонитов. Отдельные семьи меннонитов в немецких поселках имелись в некоторых районах области. Больше всего их было в Петропавловском, Конюховском и Полудинском районах, но и здесь число их было невелико.

Интересные наблюдения, касающиеся деятельности меннонитов в селе Скворцовка Полудинского района, зафиксированы в записке. В нем В.П. Ляпунов нашел «зародыш» возможной религиозной меннонитской группы в будущем и потому, писал автор: «Религиозная жизнь в этом поселке будет предметом моего особого внимания» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 36).

В 1930-х гг. в этом районе впервые возникла меннонитская группа, которая через какое-то время распалась. Все дело в том, что в 1950 г. четырех членов этой группы арестовали и осудили по 58 статье УК КазССР¹. Несмотря на это, спустя всего год вместо этой группы возникла новая, члены которой называли себя лютеранами и на своих редких и малочисленных молитвенных собраниях соблюдали ритуал, свойственный молитвенным собраниям незарегистрированных лютеранских групп. Выполняя свой служебный долг по сбору «достоверной информации» о религиозных культах, В.П. Ляпунов выехал в село и путем непосредственных бесед с верующими попытался установить их действительную религиозную принадлежность. Опросы показали, что группа верующих состояла из 25 человек, но лютеран в ней только 6 человек. Остальные 19 человек меннониты, причем 17 из них меннониты-церковники и двое братские меннониты. Таким образом, наличие в группе большинства меннонитов-церковников, близко стоящих к лютеранам, и участие в молитвенных собраниях группы из нескольких человек лютеран давало ей основание именовать себя лютеранской религиозной группой. Тем более, что порядок проведения молитвенных собраний в группе ничем не отличался от порядка молитвенных собраний в лютеранских незарегистрированных группах, а отличительный обряд меннонитов – омовения ног никогда, даже в «Великий четверг», не соблюдался. Тем не менее, члены этой группы не скрывали, что она являлась меннонитской и что они неуклонно соблюдали требование этого учения о крещении только взрослых людей, в возрасте от 16–18 лет и старше. Само водное крещение, по их словам, у них не совершалось уже несколько лет, так как группа, не имея авторитетного руководителя, не активна и даже молитвенные собрания проходили не систематически, а от случая к случаю и то только в зимний период времени.

Зимой деятельность группы несколько активизируется. Объяснялось это прекращением полевых работ, на которых было занято большинство верующих, и приездом к ним в этот период меннонитских проповедников из других мест. Так, зимой 1956–1957 гг. в Скворцовку приезжали меннониты И. Вагнер из Исиль-Куля Омской области, а также Филипсен из Асанова СКО (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 141).

И снова мы видим ситуацию, когда во главе влиятельной религиозной общины становится женщина. Так, в этом селе (центре меннонитов) руководителем группы была братская меннонитка Ева Гардер, старая, но еще вполне бодрая женщина 77 лет. Второй братской меннониткой являлась ее дочь М. Фрезен 50 лет. Большинство меннонитов –

¹ К 58 УК КазССР привлекали за организационную деятельность, направленную к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации.

люди среднего и пожилого возраста. Возраст пяти самых молодых 25–30 лет. Молитвенные собрания меннонитов проводились на дому у Е. Гардер. Проводились они не чаще одного раза в неделю – по воскресеньям. Религиозная активность меннонитов возникла под влиянием пропаганды приезжающих проповедников и потому «Скворцовская группа – единственная меннонитская группа в области – заслуживает особого внимания как со стороны Уполномоченного Совета, так и со стороны местных руководящих органов» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 37).

Проживавшие в области меннонитские семьи принадлежали к двум течениям этого учения, а именно: к последователям так называемой меннонитской братской общины и к последователям просто меннонитской общины. Отличие между ними заключалось в том, что в меннонитской общине водное крещение совершалось путем обрызгивания крещаемого водой, а в меннонитской братской общине путем погружения крещаемого полностью в воду. Как у меннонитов, так и у братских меннонитов, водное крещение совершалось только над взрослыми. Отличительный внешний признак – омовение ног уже давно ими не соблюдался.

Оставаясь глубоко верующими людьми, меннониты в силу своей малочисленности и разобщенности друг от друга не могли организовать свои религиозные группы и проводить молитвенные собрания. Между тем стремление к удовлетворению религиозных потребностей у них, по их словам, было настолько велико, что они не останавливались перед переходом к баптистам, в учении которых они не находили существенных отличий от своей религии. Переход этот давал им возможность удовлетворения своих религиозных желаний в Петропавловской зарегистрированной общине ехб. Поэтому неудивительно, что многие меннониты состояли членами баптистской церкви (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 37). Тем не менее, в душе они по-прежнему оставались преданными своему старому учению – «учению отцов и дедов». В откровенной беседе с В. Ляпуновым они заявляли, что при первой возможности религиозного общения с меннонитской группой они вновь уйдут в эту группу, так как по-прежнему связаны со своей религией.

Заезжие проповедники меннонитов стали темой выступления В.П. Ляпунова на узких совещаниях у секретаря обкома КП Казахстана «товарища» И.О. Омарова. В.П. Ляпунов следующим образом отчитывался о своих подозрениях относительно этого вопроса: «Мной доложено о непрекращающемся посещении незарегистрированных религиозных групп лютеран, католиков и, главным образом, сектантов у немецкого населения области приезжими проповедниками и незарегистрированными служителями культа, в том числе и служителями культа, освобожденными из ИТЛ (Исправительно-трудовой лагерь – авторы)» (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 48). В результате совещаний были приняты соответствующие меры к противодействию развитию «сектантского» движения среди немецкого населения области и к прекращению активной деятельности служителей культа и лиц религиозного актива, освобожденных из мест заключения.

Меннониты неохотно отдавали своих детей в советские школы, настоятельно и систематически запрещали своим детям посещение кино, клубов, вечеров самодеятельности, участие в спортивных выступлениях и в других развлечениях и играх, свойственных молодежи. В. Ляпунов приводит список детей, имевших только начальное образование. Однако здесь стоит отметить, что вряд ли в этом вопросе кроется вина немецких родителей. Все дело в том, что с 1940 г. советская власть умышленно ограничивала получение среднего, среднеспециального и высшего образования, вводя плату за обучение. Страна нуждалась в рабочих кадрах.

Хоть немцы и получили доступ с 1950-х гг. к высшему педагогическому образованию, показатели немцев были в разы ниже уровня образованности титульных народов республики. Сами меннониты объясняли незначительные сроки пребывания своих детей в школах желанием самих подростков как можно скорей покончить с учебой и поступить на работу для того, чтобы иметь самостоятельный заработок. Рабочие профессии помогали меннонитам, призванных в советскую армию, служить в хозяйственных

подразделениях воинских частей: плотниками, кузнецами, каменщиками. Стоит согласиться с В.П. Ляпуновым, что именно ради возможности соблюдения этого закона «не убий» родители с детских лет приучали своих сыновей к тем специальностям, которые, в случае призыва в армию, могли им обеспечить не службу в строю, а в хозяйственных подразделениях воинских частей. Немцы из-за различных негласных ограничений преимущественно осваивали рабочие профессии, что в будущем значительно облегчит им интеграцию в Германии (СКГА. Ф. 22П. Оп. 5. Д. 906. Л. 152).

Заключение

По мнению В.П. Ляпунова, причины, вызывавшие рост религиозности верующей массы населения, заключались в усиливающейся активной деятельности религиозных пропагандистов и недостаточным противодействием ей со стороны культурно-просветительных и других органов, в прямую задачу которых входило такое противодействие.

Хрущевское десятилетие обернулось откатом со времени сталинского режима. Советские органы в отношении религиозных институтов проводили политику тотального контроля и сдерживания проявления активности верующих немцев. Те немногочисленные общины, действовавшие на территории области, встречали формальное сопротивление со стороны государственных органов на естественное удовлетворение своих духовных потребностей. Интересные прецеденты и особенности, выявленные в ходе проверок уполномоченного по делам культов В.П. Ляпуновым, доказывали вариативность повседневной религиозной жизни немецкого населения, демонстрировали живучесть религиозных традиций и обрядов, допускающей деятельность в религиозных общинах немецких женщин. Несмотря на существовавшие препоны, религиозные общины немецкого населения продолжали свою деятельность, прилагая все усилия для сохранения своей культуры и идентичности.

Список литературы

- Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. – Köln, 1996. – 555 p.
- Elwert F. Religion als Ressource und Restriktion im Integrationsprozess: eine Fallstudie zu Biographien freikirchlicher Russlanddeutscher. – Wiesbaden, 2015. – 320 с.
- Krieger V. Rotes deutsches Wolgaland. Zum 100. Jubiläum der Gründung der Wolgadeutschen Republik. – Düsseldorf: Vereinigung zur Integration der Russlanddeutschen Aussiedler e.V., 2018. – 114 p.
- Saktaganova Z.G. et al. State-Religious relations during the Soviet Period a periodization and content // *European Journal of Science and Theology*. – 2018. -No. 14(1). – P. 103-114.
- Sanders R. Staying at Home: Identities, Memories and Social Networks of Kazakhstani Germans. – New York: Berghahn Books, 2016. – 256 p.
- Ауанасова Б.М. История эволюции религиозных отношений в Казахстане (на примере ислама 1941–1991 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Уральск. 2007. – 135 с.
- Балтабаева А.М. Особенности религиозной жизни Казахстана в период Великой Отечественной войны // *Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия*. – 2008. – № 2. – С. 67-71.
- Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и положение в условиях режима спецпоселения. – Усть-Каменогорск: Центр, 1997. – 376 с.
- Бургарт Л.А. Религиозные группы немцев-спецпоселенцев в ВКО по материалам агентурно-осведомительной сети НКВД (40-е – 50-е гг.) // *Культура немцев Казахстана: история и современность* / ред. С.К. Вензель. – Алматы: Типография Немецкого Дома, 1999. – С. 112-122.
- Бургарт Л.А. Агентурно-оперативная деятельность органов МВД-МГБ СССР в отношении немецкого населения в условиях режима спецпоселения в 1948-1955 гг. (на примере Восточного

Казахстана) // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие, 1941–1955 гг. – М.: Готика, 2001. – 443 с.

Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край в конце XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской и Семипалатинской областей) // История немцев Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. – Алматы: ТОО «Комплекс», 1998. – С. 19-30.

Герман А.А. Немецкая автономия на Волге 1918–1941. – Алматы: Жазушы, 2007. – 574 с.

Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945 гг. Сборник документов. Т. 3. – Алматы: LEM, 2019. – 708 с.

Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М., 2015. – 549 с.

Кригер В. Немецкое присутствие в Казахстане во времена правления царей. – Мюнхен, 1993. – 32 с.

Кригер В. Автономистское движение российских немцев в дискуссиях [Электрон. ресурс] – 2018. – URL: <http://www.viktorkrieger.homepage.t-online.de/html/interview.html> (Дата обращения 13.01.2021).

Мухтарова Г. Ислам в советском Казахстане (1917–1991): диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Уральск. 2007. – 310 с.

Немцы в Карагандинской области (конец XIX – 90-ые годы XX века): Сб. документов и материалов / Составители: Кулакова Л.В., Яковенко О.А. – Караганда, 2011. – 248 с.

Немцы Казахстана и Сибири: история и современные проблемы развития. – М.: Институт наследия, 2017. – 198 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи. LXXXI. Акмолинская область. – СПб.: «Центральная» типолитография М.Я. Минкова, 1904. – 153 с.

Религиозные организации Казахстана: Путеводитель, Международный центр культуры и религии при Комитете по делам религий Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. – Астана, 2015. – 42 с.

Сактаганова З.Г. Экономическая модернизация Казахстана. 1946–1970 гг. – Караганда: Гласир, 2012. – 363 с.

Султангалиева А.К. Ислам в Казахстане: история, этнос и общество. – Алматы: КИСИ. 1998. – 188 с.

**Жанна С. Мажитова, Кульпаш М. Ильясова, Гаухар С. Шамшиева,
Айнур Т. Шукеева, Алтын Т. Еспенбетова, Марат З. Утегенов**

КеАҚ «Астана медицина университеті», Астана, Қазақстан

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Логистика және көлік академиясы, Алматы, Қызылорда, Қазақстан

Шоқан Уәлиханов атындағы Көкшетау университеті, Көкшетау, Қазақстан

КСРО Министрлер Кеңесіндегі баяндамалық жазбалар бойынша 1950 ж. аяғындағы Солтүстік Қазақстан облысындағы неміс халқының діни өмір тарихы (Солтүстік Қазақстан мемлекеттік архиві материалдары негізінде)

Аңдатпа. Мақала 1950 жылдардың аяғындағы Ақмола өңіріндегі неміс халқының күнделікті діни өмірін зерттеуге арналған. Осы жылдары Қазақстан тың және тыңайған жерлерді игерудің орталығына айналды, КОКП-ның XX съезінен кейін кеңестік биліктің діни саясаты қатаңдатылып, дінге қарсы күрес жанданды. Кеңес мемлекетінің дінге қатысты қатаң бағыты, неміс халқының өздерінің діни қағидалары мен ұлттық мәдени құндылықтарын ұстануға кедергі бола алмайды. Неміс халқы Қазақстан аумағына қоныс аударған кезден бастап өздерінің мәдениетіне, этникалық бірегейлігі және діни салт-дәстүрлеріне негізделген мықты шаруашылық қауымдастықтарын құра алды. Мақала авторлары тарапынан неміс халқының күнделікті діни өмірі Солтүстік Қазақстан облысының Діни істері жөніндегі Кеңесінің тұрақты өкілі В.П. Ляпуновтың құпия баяндамалары бойынша талданады, бұл неміс халқының күнделікті діни өмірінің құбылмалылығын жан-жақты

қарастыруға мүмкіндік береді, сондай-ақ діни салт-дәстүрлердің өміршеңдігін айқындайды. Авторлар дінге қарсы күрес жағдайында өздерінің жеке басы мен мәдениетін сақтауға күш салған неміс қауымдастықтарының діни тәжірибесіне баса назар аударады. Кеңестік және партиялық мекемелердің қарсылығына қарамастан, осы кезеңде Солтүстік Қазақстандағы дінге сенушілер мен оларды қолдаушылардың үлесі едәуір дәрежеде болғаны ғылыми тұрғыдан негізделеді.

Түйін сөздер: Қазақстан тарихы; діни күнделікті өмір; Германия халқы; тың; діни саясат.

**Zhanna S. Mazhitova, Kulpash M. Ilyassova, Gaukhar S. Shamshiyeva,
Ainur T. Shukeyeva, Altyn T. Yespenbetova, Marat Z. Utegenov**

Astana Medical University, Astana, Kazakhstan

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Academy of Logistics and Transport, Almaty, Kazakhstan

Shokan Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan

Kyzylorda University Bolashak, Kyzylorda, Kazakhstan

Everyday Religious Life of German Population in North Kazakhstan Region in the late 1950s

Abstract. The article examines the everyday religious life of the German population in the late 1950s. Within those years Kazakhstan became a place of virgin and fallow lands development, there was also a tightening of anti-religious policy after the XX Congress of the CPSU and the intensification of anti-religious struggle. The harsh attitude of the Soviet state towards religion did not prevent the Germans from adhering to their religious principles and national cultural values. Since their arrival in Kazakhstan the German population managed to establish strong economic communities with their own culture, ethnic identity and religious traditions. The religious everyday life of the German population is analysed based on secret memorandums of the Commissioner of the Council for Religious Affairs of the North Kazakhstan region V.P. Lyapunov, which allowed the authors to examine the variability of the everyday religious life of the German population and demonstrated the vitality of religious traditions and rituals. The authors focus on the religious practices of German communities, who made efforts to preserve their culture and identity amidst the anti-religious struggle. The conclusion is that despite the opposition of state and party organs, the proportion of believers and sympathisers of religion in this period in northern Kazakhstan was quite significant.

Keywords: history; virgin land; policy religious; everyday life.

References

Auanasova B.M. *Istoriya evolyucii religioznyh otnoshenij v Kazahstane (na primere islama 1941–1991 gg.): dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The history of evolution of the religious relations in Kazakhstan (in the case of Islam of 1941–1991): thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. (Uralsk, 2007, 135). [in Russian].

Baltabayeva A.M. *Osobennosti religioznoj zhizni Kazahstana v period velikoj otechestvennoj vojny* [Features of the religious life of Kazakhstan during the Great Patriotic War], *Vestnik Karagandinskogo universiteta, Seriya «Istoriia. Filosofiiia»* [Karaganda University Bulletin, History. Philosophy Series]. 2, 67–71 (2008) [in Russian].

Burgart L.A. *Nemcy v Vostochnom Kazahstane v 1941–1956 gg.: deportaciya i polozhenie v usloviyah rezhima specposeleniya* [Germans in East Kazakhstan in 1941–1956: Deportation and under the Conditions of the Special Settlement Regime]. (Ust'-Kamenogorsk, 1997, 376). [in Russian].

Burgart L.A. *Religioznye gruppy nemcev-specposelencev v VKO po materialam agenturno-osvedomitel'noj seti NKVD (40-e – 50-e gg.)* [Religious groups of Germans-special settlers in the East Kazakhstan region based on the materials of the intelligence and information network of the NKVD (40s – 50s)] // *Kul'tura nemcev Kazahstana: istoriya i sovremennost'* [Culture of the Germans in Kazakhstan: history and modernity]. (Almaty, 1999, p. 112–122). [in Russian].

Burgart L.A. Agenturno-operativnaya deyatelnost' organov MVD-MGB SSSR v otnoshenii nemeckogo naseleniya v usloviyah rezhima specposeleniya v 1948–1955 gg. (na primere Vostochnogo Kazahstana) [Agent and operational activities of the bodies of the Ministry of Internal Affairs-MGB of the USSR in relation to the German population under the conditions of the special settlement regime in 1948–1955 (on the example of East Kazakhstan)]. Nemcy SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i v pervoe poslevoennoe desyatiletie, 1941–1955 gg. [Germans of the USSR during the Great Patriotic War and in the first post-war decade, 1941–1955]. (Moscow, 2001, 443 p.). [in Russian].

German A.A. Nemeckaya avtonomiya na Volge 1918–1941 [German autonomy on the Volga 1918–1941]. (Almaty, 2007, 574 p.). [in Russian].

Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Soviet Union 1941 bis 1956. (Köln, 1996, 555 p.). [in English].

Elwert F. Religion als Ressource und Restriktion im Integrationsprozess: eine Fallstudie zu Biographien freikirchlicher Russlanddeutscher. (Wiesbaden, 2015, 320 p.). [in English].

Iz istorii deportacij. Kazahstan. 1939–1945 gg. Sbornik dokumentov [From the history of deportations. Kazakhstan. 1939–1945 collection of documents]. (Almaty, 2019, 708 p.). [in Russian].

Kaziev S.Sh. Sovetskaya nacional'naya politika i problemy doveriya v mezhetnicheskikh otnosheniyah v Kazahstane (1917–1991 gody): dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doctora istoricheskikh nauk [Soviet national policy and problems of trust in interethnic relations in Kazakhstan (1917–1991): thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. (Moscow, 2015, p. 549). [in Russian].

Kruger V. Nemeckoe prisutstvie v Kazahstane vo vremena pravleniya carej [German presence in Kazakhstan during the reign of the kings]. (Myunhen, 1993, 32 p.). [in Russian].

Kruger V. Avtonomistskoe dvizhenie rossijskikh nemcev v diskussiyah [Autonomist movement of Russian Germans in discussions] Available at: <http://www.viktorkrieger.homepage.t-online.de/html/interview.html> [in Russian].

Krieger V. Rotes deutsches Wolgaland. Zum 100. Jubiläum der Gründung der Wolgadeutschen Republik [Red German Wolgaland. On the 100th anniversary of the founding of the Volga German Republic]. (Düsseldorf, 2018, 114 p.). [in German].

Mukhtarova G.D. Islam v sovetskom Kazahstane (1917–1991): dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doctora istoricheskikh nauk [Islam in the Soviet Kazakhstan (1917–1991): thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences]. (Uralsk, 2007, 310 p.). [in Russian].

Nemcy v Karagandinskoj oblasti (konec XIX-go – 90-ye gody XX veka) [Germans of Kazakhstan and Siberia: history and modern problems of development]. (Karaganda, 2011, 248 p.). [in Russian].

Nemcy Kazahstana i Sibiri: istoriya i sovremennye problemy razvitiya [Germans of Kazakhstan and Siberia: history and modern problems of development]. (Moscow, 2017, 198 p.). [in Russian].

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii. LXXXI. Akmolinskaya oblast' [The first general census of the population of the Russian Empire. LXXXI. Akmola region]. (Sankt-Petersburg, 1904, 153 p.). [in Russian].

Religioznye organizacii Kazahstana: Putevoditel', Mezhdunarodnyj centr kul'tury i religii pri Komitete po delam religij Ministerstva kul'tury i sporta Respubliki Kazahstan [Religious organizations in Kazakhstan: Guidebook, International Center of Culture and Religion under Religious Affairs Committee of the Ministry of Culture and Sport of the Republic of Kazakhstan]. (Astana, 2015, 42 p.). [in Russian].

Saktaganova Z.G. et al. State-Religious relations during the Soviet Period a periodization and content. European Journal of Science and Theology 14(1), 103–114 (2018). [in English].

Saktaganova Z.G. Ekonomicheskaya modernizaciya Kazahstana. 1946–1970 gg. [Economic modernization of Kazakhstan 1946–1970]. (Karaganda, 2012, 363 p.). [in Russian].

Sanders R. Staying at Home: Identities, Memories and Social Networks of Kazakhstani Germans. (New York, 2016, 256 p.). [in English].

Sultangaliyeva A.K. Islam v Kazahstane: istoriya, etnos i obshchestvo [Islam in Kazakhstan: history, ethnicity and society]. (Almaty, 1998, 188 p.). [in Russian].

Vibe P.P. Pereselenie nemcev-kolonistov v Stepnoj kraj v konce XIX – nachale XX vv. (na primere Akmolinskoj i Semipalatinskoj oblastej) [The resettlement of German colonists in the Steppe region in the late XIX – early XX centuries (on the example of Akmola and Semipalatinsk regions)]. Istoriya nemcev Central'noj Azii. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [History of the Germans of Central Asia. Materials of the international scientific conference]. (Almaty, 1998, p. 19–30). [in Russian].

Сведения об авторах:

Мажитова Жанна Сабитбековна – доктор исторических наук, профессор, НАО «Медицинский университет Астана», Астана, Казахстан.

Ильясова Кулпаш Мырзамуратовна – кандидат исторических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Шамшиева Гаухар Сагындыковна – кандидат исторических наук, доцент, Академия логистики и транспорта, Алматы, Казахстан.

Шукеева Айнура Таласбековна – PhD, Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, Кокшетау, Казахстан.

Еспенбетова Алтын Түменбаевна – кандидат исторических наук, Кызылординский университет Болашак, Кызылорда, Казахстан.

Утегенов Марат Зеннатович – кандидат исторических наук, доцент, Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, Кокшетау, Казахстан.

Mazhitova Zhanna Sabitbekovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Social and Humanitarian Sciences, Astana Medical University, Astana, Kazakhstan.

Ilyassova Kulpash Myrzamuratovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of International Relations, Department of Oriental Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Shamshiyeva Gaukhar Sagyndykovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Academy Logistics and Transport, Almaty, Kazakhstan.

Shukeyeva Ainur Talasbekovna – PhD, Senior Lecturer, Department of History of Kazakhstan, Shokan Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan.

Yespenbetova Altyn Tumenbaevna – Candidate of Historical Sciences, Bolashak University, Kyzylorda, Kazakhstan.

Utegenov Marat Zennatovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Center for Distance Technologies, Shokan Ualikhanov Kokshetau University, Kokshetau, Kazakhstan.

Copyright: © 2023 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).